

Монтессори-сад обычно уделяет огромное внимание питанию, тщательно отслеживая аллергены у детей. Однако перевод Яо Ухуаня произошел так внезапно, что многие документы еще не были оформлены, а магнитная карта для входа в сад и вовсе была одна на двоих с Лу Цзяньянем. Отсюда и возникла нелепая ситуация с горошком.

Яо Ухуань из-за своей болезни — синдрома Малькавиана — обладал поистине хрупким здоровьем, и аллергия у него была на многое, не только на горошек.

В итоге, когда Лу Цзяньянь остановил его, Яо Сяохуань не пожелал сдаваться. Он с тоской смотрел на горошины в тарелке Лу Цзяньяня, отчаянно пытаясь доказать, что он самый крутой ребенок в мире, который ест всё подряд и ничего не боится. А когда Лу Цзяньянь бросал на него строгий взгляд, мальчик обиженно поджимал губы, сохраняя вид мученика, словно говоря: Ну раз уж я тебя люблю, так и быть, уступлю. Казалось, не Лу Цзяньянь идет ему навстречу, а сам Сяохуань балует его.

Яо Сяохуань думал: Даже если Янь-Янь не разрешает мне есть горошек, я не перестану его любить!

— Ты же от этого покроешься аллергией, старший брат.

— Но я хочу доказать тебе, что не привередничаю в еде! — Яо Сяохуань был одержим этой мыслью, ведь перед обедом учитель подчеркнул, что только послушных детей, которые едят всё, все любят. Яо Ухуаню было плевать на мнение окружающих, но он очень боялся, что Лу Цзяньянь из-за этого может его невзлюбить.

— Это не привередливость, — Лу Цзяньяню было крайне сложно объяснить ребенку разницу между капризами и аллергией. Например, Толстячок Лоу вечно использовал аллергию на все овощи как повод не есть то, что ему не нравится, за что только что получил нагоняй от Лу Цзяньяня.

Кстати, Толстячок Лоу сегодня тоже обедал в старшей группе. С тех пор как он узнал, что Лу Цзяньянь и Яо Ухуань в одном классе, живут по соседству и вместе ходят в сад, чувство опасности потерять друга у Толстячка достигло невероятных высот, пересилив даже его врожденный страх перед Яо Ухуанем. Учителя решили, что это стрессовая реакция, и, чтобы не усугублять, временно оставили его в покое.

— Ты же сам так отчитывал Толстячка Лоу, — отчетливо помнил Яо Ухуань.

Лоу Сяопэн молчал, потому что вел ожесточенную борьбу со своим заклятым врагом — зелеными овощами. Ну до чего же они невкусные!

Лу Цзяньянь вздохнул:

— Даже если ты будешь привередничать, я все равно буду тебя любить.

— Правда? Ты не просто меня утешаешь? — Яо Сяохуань склонил голову, глядя на Лу Цзяньняня так, будто при малейшем намеке на сомнение он тут же проглотит горошину, чтобы покончить с собой.

— Да-да, я люблю тебя, больше всех на свете, и совсем не через силу. — Лу Цзяньняню очень хотелось бы, чтобы повзрослевший Яо Ухуань увидел, до чего он докатился в детстве!

Яо Сяохуань все еще сомневался.

Лу Цзяньнянь решил зайти с другой стороны:

— Я тоже привередничаю. Смотри, я не люблю цветную капусту. Ты что, перестанешь меня любить из-за этого?

— Нет! Я буду тайком съедать твою капусту, чтобы учитель не узнал!

Учитель, который не должен был узнать, стоял прямо за спинами мальчиков с выражением полного бессилия на лице. Кстати, а разве Янь-Янь не любит цветную капусту? Вроде бы никогда не замечали, тарелка всегда пустая, и особых предпочтений не видно.

Лу Цзяньнянь уже заметил учителя и благоразумно замолчал. Его тарелка всегда была чистой лишь потому, что он умел заставить других съесть за него капусту.

После тихого часа наступило время зарядки — пытка, которую Лу Цзяньнянь ненавидел всей душой. Это был настоящий ад, к которому он никак не мог привыкнуть.

Но как только Лу Цзяньнянь решил, что это худшее, что могло случиться, учителя доказали, что самое страшное еще впереди.

В тот день каждому ребенку выдали ободки с пушистыми заячьими ушками: розовыми, серыми, белыми — раздача была случайной. Лу Цзяньняню достались до неприличия розовые уши. Ему даже не нужно было ничего говорить — его неприязнь и сопротивление считывались без слов.

Яо Сяохуань, верный своим принципам главного фаната, не раздумывая, поменялся с ним. Ему самому достались белые ушки, тоже довольно девчачьи, но всё же лучше, чем розовые.

Лу Цзяньнянь опешил, глядя на уши, которые ему буквально всучили в руки. Не успел он ничего сказать, как Яо Сяохуань, покраснев, заикаясь, произнес:

— Ты... ты не подумай лишнего, я просто люблю розовый цвет. — Он усвоил урок с обеда и решил: если сказать, что это его выбор, учителю не за что будет ругать Лу Цзяньняня.

В лучах солнца пушок на коже Яо Сяохуаня в парадной форме светился, а покрасневшее лицо делало его похожим на настоящего рыцаря.

Лу Цзяньнянь ни за что не хотел признаваться, но такой упрямый и гордый Яо Сяохуань был до невозможности милым! Просто до безумия!

Когда началась заячья зарядка, белый пушистый Яо-зайчик с розовыми ушами стал выглядеть еще очаровательнее.

Так думал не только Лу Цзяньнянь — об этом свидетельствовало и количество родителей, остановившихся посмотреть. В эпоху, когда снимать видео на телефоны еще не было нормой, некоторые уже интуитивно начали это делать.

Яо Ухуань старательно выполнял упражнения, неуклюже, но пытаясь в точности скопировать движения учителя, и это было невероятно мило.

Заметив, что Лу Цзяньнянь не делает зарядку, а подглядывает за ним, Яо Сяохуань открыто посмотрел в ответ и одарил его самой сияющей улыбкой. Он сложил пальцы так, как учил педагог — большой и указательный крест-накрест, изображая сердечко.

Это вызвало восторженные крики случайных прохожих: только и слышалось, какой он милый.

Сердце Лу Цзяньняня невольно забилося в бешеном ритме — так быстро оно еще никогда не стучало. Конечно, это была лишь симпатия к милому ребенку, никаких пошлых мыслей.

Не зная, как ответить, Лу Цзяньнянь замер, но Яо Ухуань сам подошел к нему. Он классическим жестом приложил ладони к щекам Лу Цзяньняня и, сжав их, придвинул свою пушистую белую голову вплотную к лицу друга.

А затем раздался отчетливый, почти мультяшный звук поцелуя между розовым зайцем и белым.

Толпа зевак взывала от восторга.

Учителю пришлось вмешаться. А Яо Сяохуань, как ни в чем не бывало, хихикая, вернулся на свое место и продолжил свою бесстыдную заячью зарядку, словно совершенно не понимал, что сделал что-то не так.

Он и правда считал, что всё сделал правильно.

Мама говорила: если кто-то нравится, надо показать сердечко, а если тот ответил — можно целовать. Идеально!

Прожив в садике целый день, Лу Цзяньян обнаружил проблему: в свои «почти шесть лет» он не мог найти ни минуты, чтобы остаться одному и встретиться с тем самым дядей Лэй Фэном из своих воспоминаний.

В сад и обратно его возили, дома за ним присматривали няни и дворецкий — круглосуточная опека, хуже, чем в тюрьме. Кто бы знал, как дети вообще выносят такую жизнь, не видя в ней ничего странного? Особенно после попытки похищения Яо Ухуаня папа и мама Лу устроили количество телохранителей. Где бы ни играл Лу Цзяньян, он постоянно наткался на суровых дядек, которые, заметив его взгляд, спешно снимали темные очки и начинали улыбаться, словно боялись напугать ребенка.

Но, честно говоря, когда здоровенный детина ростом под метр восемьдесят, с кулаками как гири и суровым лицом, внезапно выдавливает из себя улыбку — каковы ваши ощущения?

Хорошо, что Лу Цзяньян не был настоящим ребенком и понимал, что это от чистого сердца, поэтому вежливо улыбался в ответ. Но попробуй так сделать с любым другим малышом — если не заплачет, считай, повезло!

Яо Сяохуань, пытаясь доказать, что он ничего не боится, просто потащил Лу Цзяньяна в комнату делать уроки.

Лу Цзяньян: ...

Задания в старшей группе были нелегкими. Не то чтобы их было много, но они отличались разнообразием: учителя будто соревновались, придумывая, как бы еще помучить родителей и детей.

Лу Цзяньян привык к самостоятельности и не мог привыкнуть к магическому заклинанию этого возраста: Мама, помоги мне. Поэтому он воспринимал задания как работу, которую нужно сделать самому. Яо Сяохуань же хотел показать себя перед Лу Цзяньяном и тоже не желал просить помощи у взрослых. Так они и решили: вдвоем, как одна команда, принялись за дело.

Тема задания — создать свою вселенную из подручных средств. Немного сложновато для детей, подумал Лу Цзяньян, подперев щеку рукой.

Настоящий ребенок Яо Сяохуань в этот момент просто хлопал глазами: Вселенная? Это звезды?

— Давай покрасим коробку в черный, посыпем блестками и добавим цветные шарики, — предложил Лу Цзяньян. Он не боялся рукоделия, он боялся сделать что-то, что выходит за рамки способностей ребенка его возраста.

— У меня дома есть блестки и красивые стеклянные шарики! — живо отозвался Яо Сяохуань.

— Окей, тогда начнем с черной коробки.

Лу Цзяньян был уверен в успехе, но когда к вечеру они с трудом закончили кривую-косую коробку, он понял, что его опасения были напрасными. Хотя душой он был взрослым, его тело всё еще не обладало мышечной памятью. Многие движения, которые взрослому кажутся элементарными, для ребенка были невероятно трудными, и память о прошлой жизни тут не помогала.

Говоря научно: у человеческих движений есть своя специфика, они не полностью контролируются корой головного мозга. Движения требуют участия мышечной памяти.

Иными словами, во многих книгах о перерождении герои, будучи в прошлой жизни мастерами спорта, мгновенно становятся таковыми и в новом теле, не тренируясь. Это полная чушь, не имеющая под собой никаких научных оснований.

Лу Цзяньян сейчас даже бумагу не мог разрезать по идеально прямой линии. То же самое с рисованием: он хотел провести прямую, а получалась волнистая.

После нескольких попыток, с учетом опыта, он стал осваивать движения быстрее, чем в прошлой жизни, но всё равно это требовало времени.

Вечером перед ужином мама Яо забрала Яо Сяохуаня, который всё еще слонялся по дому Лу, а точнее — висел на Лу Цзяньяне. Белоголовый мальчишка держал черную коробку и постоянно оглядывался, выглядя невероятно обиженным. В итоге мама Яо просто подхватила его на руки и унесла.

— Жду, когда ты доделаешь галактику и планеты, завтра принесешь показать, — Лу Цзяньян не выдержал грустного взгляда и решил его подбодрить.

— Хорошо! — Яо Сяохуань обнял маму за шею, сжимая коробку, и с чувством огромной ответственности сжал кулачки. Нельзя разочаровать Янь-Яня! Он был полон решимости показать завтра, на что способен.

Мама Яо, улыбнувшись, сказала маме Лу:

— Простите за беспокойство.

— Какое беспокойство? Я рада, что кто-то составил Янь-Яню компанию, — мама Лу только вернулась из офиса. В последнее время зарубежный филиал вел изнурительную ценовую войну с конкурентами, но перед семьей она старалась не показывать раздражения. Она как раз качала на руках младшего сына, и молочный запах от ребенка был для нее лучшим лекарством от стресса.

Две матери, предпочитавшие нянчить детей сами, а не перекладывать это на других, понимающе улыбнулись друг другу и грациозно разошлись.

Лу Цзяньяннь смотрел на Яо Сяохуаня, который продолжал махать ему рукой, даже когда они отошли далеко, и в конце концов тоже слегка поднял руку в ответ.

Яо Сяохуань тут же просиял. С самой первой встречи он был в состоянии я вижу тебя и улыбаюсь, словно ничто в мире не радовало его больше, чем Лу Цзяньяннь. Получив ответ, он успокоился и послушно пошел домой, ведь учитель говорил, что Лу Цзяньяннь любит послушных детей.

Проводив семью Яо, мама Лу, заметив хорошее настроение сына, решила воспользоваться моментом и поднесла к нему младшего брата:

— Посмотри, какой милый малыш, правда?

Лу Цзяньяннь взглянул на глупого брата, который был погружен в свой мир и пускал пузыри, и кивнул. Если не брать в расчет характер, то внешность у него была обманчиво ангельской: кожа как молоко, розовые щечки, вихор на лбу — кто увидит, тот полюбит.

В отличие от младшего брата, который взял лучшее от обоих родителей, Лу Цзяньяннь был похож только на маму: черты лица были изящными, но с оттенком женственности. Это было единственное, что ему не нравилось в себе. Почему он совсем не похож на папу?

Старшая сестра Лу, напротив, была женской версией папы — статная и красивая, без единой черты мамы, хотя, повзрослев, она старалась подражать ей в одежде и манерах.

— Янь-Янь, придумай братику домашнее имя, а то мама всё никак не придумает.

— Разве он не Цзянь-Цзянь? — не задумываясь, ответил Лу Цзяньяннь.

— ...Цзянь-Цзянь? О, как красиво! Какой же ты умный, Янь-Янь! — мама Лу принялась расхваливать сына, хотя было ясно, что ответ ей был не важен — она просто искала повод похвалить его.

Лу Цзяньян бросил на маму недоуменный взгляд и пошел искать сестру. Она была старше на четыре года и училась в шестом классе (благодаря перепрыгиванию через классы). Она обожала играть в начальника, поэтому дома постоянно ходила с красной повязкой дежурного.

Трое детей, три характера — кто знает, как папа и мама Лу их воспитали.

По сравнению с пускающим пузыри младшим братом, Лу Цзяньян предпочитал общаться с сестрой, которая была уже почти ученицей средней школы.

Мама Лу многозначительно посмотрела на папу:

— Слышал? Янь-Янь всё-таки любит брата. Он всегда так его называет.

— Ты уверена, что это «Цзянь» в третьем тоне, а не в четвертом? — папа Лу видел ситуацию яснее.

— ...

За обеденным столом Лу Цзяньян заметил, что мама снова смотрит на него с беспокойством. Как же сложно понять матерей в этом возрасте.

Мама Лу же заметила, что сын предпочел сесть рядом с папой, а не с ней и младшим братом.

— Янь-Янь, ты не хочешь есть с мамой?

Лу Цзяньян прямо покачал головой, выражая отказ и неприязнь. До появления младшего брата он любил сидеть с мамой, но после того, как появился этот глупый Лу Цзяньцзянь, который во время еды превращался в грязное пятно, он не хотел находиться рядом. Он даже из сочувствия отсадил к себе старшую сестру, чтобы она держалась подальше от этой «катастрофы».

В его памяти одно из любимых белых платьев сестры было испорчено именно тогда, когда Цзяньцзянь научился держать ложку. Сестра собиралась в нем на концерт фортепиано.

Предупредить беду — значит начать беречься заранее!

Той же ночью снова появился Яо Дахуань. Лу Цзяньян, притворявшийся спящим, открыл глаза, как только тот ступил на балкон, и заметил деталь, которую пропустил вчера.

На пижаме Яо Дахуаня были пятна грязи и царапины: похоже, он тоже не слишком хорошо управлялся с детским телом.

На душе стало спокойнее.

Шторы были полуприкрыты, впуская весенний ветерок.

Двое детей в этот раз снова не стали включать свет. Им было трудно смотреть друг на друга в детском обличье — это выглядело слишком комично. Никто не стал тратить время на пустые слова: один сидел на краю кровати, другой — на стуле.

Первый вопрос Лу Цзяньняня был:

— Какими еще способностями ты обладаешь? — он не верил, что у Яо Ухуаня всего один дар.

Яо Ухуань не стал отрицать. Раз он знал, как получить способности Исполнителя, у него точно был козырь в рукаве, но он настоял на своем:

— Нет сотрудничества — нет информации.

Яо Сяохуань точно в сто раз милее его! — подумал Лу Цзяньнянь.

— Мне нужно больше данных, чтобы понять, стоит ли тебе доверять, — Лу Цзяньнянь тоже не хотел уступать. Хотя он знал, что спас Яо Ухуаня, это не значило, что каждому спасенному можно доверять. Он помнил историю, рассказанную дедом: во время войны один человек помогал многим, но в итоге был предан, а другой получал помощь и в итоге выжил.

Ты постоянно отдаешь, думая, что человек будет благодарен, но не знаешь, что за добро можно получить зло.

Яо Ухуань был хитер. Он не раскрыл свои способности, но сказал:

— Я знаю, что именно задумал тот Исполнитель по фамилии Ли. Хочешь знать?

— С чего ты взял, что я не знаю? — Лу Цзяньнянь сохранял невозмутимый вид.

— Угадай, — Яо Ухуань улыбнулся так, что его хотелось ударить.

Лу Цзяньнянь не стал спорить и, решив сменить тактику, сделал приглашающий жест:

— Слушаю внимательно.

<http://bllate.org/book/21642/2233352>